

Олег Пустовой

18+

Годочки

Повесть
Часть пятая

Олег Пустовой

Годочки. Часть пятая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пустовой О. М.

Годочки. Часть пятая / О. М. Пустовой — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Главный герой повести Игорь Мельниченко проходит очередную ступень флотской иерархии. Став "годком", он продолжает служить на большом десантном корабле, сталкиваясь с новыми реалиями флотской жизни и новыми романтическими отношениями. Заключительная часть. Начало в книгах: "Внеплановый призыв", "Путь призывника", "Карантин", "Экипаж одна семья".

Содержание

Годочки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Годочки

Часть У

Знойное лето одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года ушло в прошлое, оставивши после себя историческую память, творимую на глазах моряков-десантников со всеми её радостными и печальными моментами; приятными и неприятными воспоминаниями; добрыми и гнетущими традициями. Ушло навсегда и кануло в небытие тяжёлое время «карасёвщины», оставившее после себя не одну душевную рану среди одногодков Игоря Мельниченко. На смену тёплому лету, томящему юные тела тихоокеанцев жаркими денёчками, уверенной поступью шагала златогривая печальная осень. Она шагала извилистой тропой сквозь, разросшиеся багрянцем дальневосточного заката, вековые глыбы окаменелых сопок. Она наступала медленным темпом, начиная покрывать низкорослые кроны усыпающих деревьев в яркий оттенок золотого багрянца. Вместе с тонкими паутинками «бабьего лета», улетал в южные широты месяц сентябрь, гонимый неразборчивыми северными ветрами. Сентябрь был самым благоприятным месяцем года для жизни и отдыха в Приморье. Этот уходящий сентябрь, обрушил на моряков десантников массу бурных и хлопотных событий. За этот короткий промежуток времени, БДК-077 принял участие в нескольких вычурных мероприятиях, сопряжённых с перевозками генеральных военных грузов и выполнением разносторонних учебно-боевых задач. В такое переходное время своей тихоокеанской одиссеи, старшина первой статьи Мельниченко, перешагивающий крупномасштабный барьер «карасёвщины», стал на деле вливаться в очередную фазу флотской службы. Уже в октябре его полная чаша солёной флотской службы была выпитой ровно на половину, и командир отделения электриков твёрдо встал на балясину военно-морского трапа флотской иерархии, отточенной годами и корабельными правилами. Теперь Игорь стал «оборзевшим карасём» – так на флоте прозывали моряков полторашиков, отслуживших на корабле ровную половину своего положенного срока. И эти «караси» действительно были «оборзевшие». Уставшие тянуть на своих плечах тяжёлую ношу повседневной черновой работы, они с радостью сваливали это бремя на хрупкие плечи новоявленных «карасей». С настойчивой жестокостью контролируя своих подопечных, полторашики добивались от «карасей» чёткого выполнения работ и настоящего флотского мастерства.

Побывав за это короткое время на Курильских островах и в других отдалённых труднодоступных регионах Дальнего Востока, Мельниченко старался находить в корабельном распорядке дня небольшую брешь, чтобы полюбоваться дальневосточными пейзажами. Эти чудесные пейзажи имели для Игоря свою загадочную привлекательность и навевали в нём лирические мысли. Любуясь экзотикой Приморского края, Мельниченко невольно сравнивал места своего детства, отрочества и настоящей юности. В эти минуты в его сознании созревали невольно рождающиеся строки, превращающиеся, с некоторой доработкой, в стихотворные строфы, что становились со временем куплетами, а на чистых тетрадных листочках появлялись новые, никому нечитанные стихи. Именно в эти минуты короткого уединения, Мельниченко чувствовал в себе лирический подъём творческой новизны, а появляющийся рядом с ним легкокрылый Пегас, всё чаще стал уносить его в страну ямбов и хореев. Здесь в туманной мгле далёких островов Игорь знакомился со своей новой Музой, которая всё чаще стала навещать своего пленника, открывая для него всё новые и новые возможности. Именно в такие минуты

на скудном блокнотном листике начинали рождаться новые строфы, на которые, со временем, кто-то подберёт музыку и зазвучит над палубами десантных кораблей новая флотская песня:

*Судьба одела меня в форму цвета ночи,
Признала годным на военный флот –
В билете всё отмечено лишь строчкой,
А службы срок прибавился на год.*

*Познал я шум морей и шторма океанов,
Соль на губах и качку, как в аду,
А дома ждёт меня любимая и мама,
Но я лишь через полтора домой приду.*

*Приду, конечно, по весне, возможно в мае
И принесу тепло с морских широт
И голос жизни, что волна морская,
Где позади – морской военный флот.*

В эти же осенние дни закончился для тихоокеанцев очередной период боевой и политической подготовки, называемый моряками летним периодом. По итогам боевой подготовки отделение электриков получило от начальства высокую оценку «отличное отделение», и Мельниченко был награждён командованием дивизии очередной «Похвальной грамотой», а по итогам политической учёбы он ещё раз подтвердил звание «отличника политической подготовки», умело парируя каверзные вопросы хитроватого замполита. Повторно подтвердив звание «Отличника боевой и политической подготовки», старшина первой статьи Мельниченко был отмечен в приказе командира бригады и объявлен «Отличником ВМФ». Теперь на его парадной суконке рядом со значками «За дальний поход» и «Специалист второго класса» появился ещё один знак отличия – «Отличник ВМФ». Такой значок высоко ценился среди военморов. Уходящие в запас «дембеля» из тех, кто не заслужил этот значок, покупали его ровно за советский червонец, чтобы «на их груди могучей все значки висели кучей». В отличие от этих военморов, Игорь свои значки заработал честной и отличной службой, хотя впереди предстояли ещё новые испытания морем и надёжной флотской дружбой.

В один из дождливых осенних дней, когда БДК-077 ненадолго задержался в родной базе, перед самой побудкой личного состава, на всех кораблях соединения одновременно прозвучал сигнал «Учебной тревоги», взбудораживший всю округу звонким перезвоном колоколов громкого боя. Три коротких звонка и один протяжный, сплошным тревожным звоном пронесли по кубрикам и боевым постам кораблей, переключаясь эхом по верхним палубам от полубаков до клотиков, затухая в далёких распадках осенних мокрых сопок. Всегда чутко спавший Мельниченко первым подпрыгнул из своей коечки и, стягивая одеяло с Кейля, громко прокричал под самым ухом «загодковавшего» Зайцева:

– Учебная тревога! Отделение, по-о-одъём!

В это время в кубриках началась сплошная суета. Матросы и старшины молниеносно спрыгивали с коечек, натягивали на себя робу, прихватывали с собой под сумки с противогазами и химкомплектами, привычно направляясь к местам затемнений корабельных помещений. Справившись с затемнением, моряки спешили на свои боевые посты, где проводили герметизацию под грозный голос старпома, оповещавший громкими децибелами все боевые посты: «Учебная тревога! Корабль экстренно к бою и походу приготовить!»

Когда корабельная трансляция наполняла помещения и палубы корабля командным голосом старпома, Мельниченко прибыл на свой боевой пост, находящийся у главного распре-

делительного щита №-1 и, приняв доклад от моториста первого дизель генератора, доложил на КП-5 командиру боевой части пять о готовности боевого поста к бою и походу.

Пока командир отделения электриков делал доклад, по соседству зарокотал дизель генератор №-3 и, находившийся в ЦПУ старшина команды электриков мичман Богомолов, включил дежурный генератор для кратковременной параллельной работы с береговой сетью, чтобы, не обесточиваясь, перейти на бортовое питание электроэнергией. Когда ДГ №-3 принял на себя всю нагрузку корабельных потребителей, матрос Кейль отключил кабель берегового питания от берегового щита и доложил о проделанной работе на КП-5. К этому времени полностью прогрелись дизель генераторы №-1 и №-2, а мичман Богомолов умело перевёл нагрузку при помощи дистанционного управления в ЦПУ из генератора №-3 на генераторы №-1 и №-2, оставивши их в режиме параллельной работы, а ДГ-№-3 остановил и поставил в резерв. Все действия моряков были отработаны до автоматизма и, когда корабельные динамики оповестили личный состав, что корабль перешёл на портовое питание электроэнергией, моментально начали приводиться в движение все необходимые корабельные механизмы. На каждом боевом посту проворачивали востребованные механизмы, подготавливая их к немедленному применению. В машинном отделении отчаянно скрипела валоповоротка, а на корме проснулись ВДРК (выдвижные рулевые колонки) и, пока мотористы готовили к запуску главные двигатели, корабль уже начал движение задним ходом при помощи выдвижных рулевых колонок, одновременно закрывая распахнутую пасть носовой аппарели, пряча в закрываемых створках тяжёлый язык металлической рампы.

Чётко выстраиваясь в ровную кильватерную линию, десантные корабли уверенно занимали свои места в боевом порядке. К этому времени на многих кораблях прокашливались главные двигатели, выпуская сквозь индикаторные клапана пусковой воздух, чтобы избавиться от возможного конденсата и ненужных топливных остатков, собравшихся в камерах сгорания цилиндров за время стоянки. Резкие броски тока на щитовом амперметре ДГ №-1 извещали первостатейника Мельниченка о включении в работу масло прокачивающих насосов главных дизелей. Заработал кормовой шпиль, наматывая на металлический барабан и складывая в кормовой цепной ящик морские смычки увесистой якорной цепи. Вдруг корабль незаметно вздрогнул, поставив перед фактом посвящённых в тонкости корабельной жизни моряков о запуске главных дизелей, что мерно отстукивали массивными поршнями на всё машинное отделение.

К этому времени на ГКП (главный командный пункт) поступил доклад от командира кормовой швартовой партии: «Якорь чист!», затем с незначительной паузой «Якорь закрепили по-походному!» Доклад явился определённым сигналом для командира корабля капитана второго ранга Панфилова к началу маневра. Уверенно работая рукояткой ВДРК, он мастерски направил корабль за корму впереди идущего «БДК-055» и смело изменил положение рукоятки машинного телеграфа, сдвинув стрелку сельсина на отметку «самый малый вперёд». В ЦПУ резко зазвучал зуммер и командир БЧ-5, принимая сигнал, перевёл стрелку сельсина приёмника в соответствующее положение, таким образом, извещая ГКП о принятии сигнала. После чего, он передвинул рукоятки управления главными двигателями в положение «самый малый вперёд» и, привыкшие к корабельной жизни моряки, ощутили незначительную вибрацию от набирающих обороты дизелей. Легко вздрогнув, корабль стал медленно набирать заданную скорость, словно огромный селезень, прорывающийся сквозь утреннюю дымку осенней прохлады по зеркальной глади бухты Новик.

Спустя, каких-то полчаса, все корабли соединения покинули пункт постоянного базирования, оставив там, только два, одиноко стоящих на мёртвых якорях и ничего не значащих, плав средств: УТС-22 и трофейную японскую плав мастерскую, мрачно просматривающихся сквозь пелену сизого облака дыма, что исходил от закопченных труб паровых котлов. Выйдя на фарватер, отряд десантных кораблей обогнул вдоль левого берега остров Елены, оставляя

его по правому борту и, следуя в кильватер один за другим с одинаковым интервалом, сделали небольшое рондо и направились в сторону открытого моря.

Когда остров Русский остался далеко за кормой корабля, находящегося в арьергарде корабельного строя, а корабли жадно поймали в свои объятия студёное Японское море, круша о стальные махины корпусов свинцовые глыбы вспенившихся волн, по кораблю раздались три длинных звонка. Голос старпома, многократно усиленный корабельной трансляцией и эхом, уходящий в бескрайнюю морскую синь, наконец-то оповестил экипаж долгожданной командой:

– Отбой «Учебной тревоги», от мест отойти! Дежурству и вахте, заступить по-походному! – динамики захрипели, где-то щёлкнул звук тангенты и голос старпома настоятельно продолжил. – Боеготовность номер два, третьей боевой смене заступить!

По этой команде на ходовую вахту заступала третья боевая смена, а все лица экипажа свободные от вахт и дежурств, продолжили заниматься своими повседневными обязанностями, согласно установленного на корабле распорядка дня. На данном этапе, морякам предстояло сразиться с запоздалым завтраком и далее действовать по отработанной схеме, хорошо усвоенной военморами за время своего пребывания на корабле. Уже к обеду, каждому члену экипажа было известно, что корабли соединения подверглись внезапной инспекторской проверке клерками главного управления ВМФ. По предписывающей легенде, кораблям под командованием комдива капитана первого ранга Тулина Кирилла Алексеевича, предстояло прибыть в указанную точку «икс», значившуюся в полученном от командования ВМФ секретном пакете. Там корабли должны принять в свои трюма морской десант и выйти в море в точку сбора эскадры кораблей Тихоокеанского флота, ориентируясь всё теми же секретными планами. Под прикрытием боевых кораблей и ВВС Приморского истребительного отряда, десантным кораблям предписывалось произвести высадку десанта на необорудованное побережье условного противника на одном из приграничных участков Советско-Китайской границы, в районе дальневосточного порта Посьет.

В условной точке, куда прибыли десантные корабли с десантом на борту, уже находились корабли эскадры: несколько СКРов, один БПК, два эсминца и флагманский корабль ТОФ – крейсер «Адмирал Сенявин», на котором был поднят вымпел командующего Краснознамённым Тихоокеанским флотом. Когда БДК рассредоточились в боевой порядок, на флагманский корабль десантников, где находился комдив Тулин, прибыли офицеры инспекторской проверки, которым предстояло проверить боевую готовность и воинское мастерство моряков десантников.

По сигналу командующего Краснознамённым Тихоокеанским флотом, корабли огневой поддержки выстроились в одну линию, развернувшись к невидимому с моря берегу огневыми позициями и открыли беспощадный огонь с различных видов артиллерийских и реактивных установок. В это время, словно из пустоты, пронеслись над кораблями на низкой высоте штурмовики ВВС Приморского отряда Дальневосточного военного округа. От мощных взрывов корабельной артиллерии, реактивных снарядов и авиационных бомб – линия предзакатного горизонта засветилась ярко-красным заревом. Зарево это было гораздо больше, чем зарево, восходящего с восточной стороны Японского моря, багряного солнечного диска.

От внезапной утренней тревоги до начала высадки десанта прошли ровно одни сутки. Таким образом, высадка была рассчитана именно на предзакатный отрезок времени, чтобы застать противника врасплох. Ведь, именно в утренние часы расслабляется самая испытанная и проверенная годами воинская бдительность. И, хотя, на самом деле условный противник не существовал, как одушевлённый предмет, а был отмечен только на штабных картах, подготовка к высадке десанта и уничтожение «условного противника» производились самым правдивым образом. Так как, район действий был выбран самый подходящий: без населённых пунктов и промышленных предприятий, а все подъездные пути к нему контролировались бойцами внутренних войск, то снаряды и ракеты применялись боевые. Эффект был поразительным и

превзошёл все ожидания. Когда десантные корабли, приблизившись к берегу на несколько кабельтов, стали выгружать на воду лёгкие танки с морскими пехотинцами на броне, берег уже стал неузнаваемым. Вся береговая черта была перепаханная взрывами, словно поднятая в степи целина. Попадавшие в зоне поражения деревья, были вывернуты вместе с корневищами, и такое зрелище напоминало последствия американского торнадо. Рассредоточившись по водной глади, словно черепахи в брачный период, танки медленно подплывали к берегу, изредка производя залпы из своих орудий. Вдруг со стороны моря послышался грозный нарастающий рокот, и моряки увидели приближающуюся металлическую тучу из ударных вертолётов, разделившихся на несколько звеньев. Вертолёты, пролетая над береговой чертой, стали выстреливать по «условному противнику» из подвесных реактивных установок. Таким образом, они прицельно уничтожали, мнимые «дзоты», «траншеи» и «блиндажи», что ещё уцелели после корабельной атаки. Когда танки вышли на пологий берег и стали рассредоточиваться по всему побережью, вертолёты уже скрылись в глубине Уссурийской тайги а, десантные корабли и корабли поддержки совершили рондо, развернувшись на сто восемьдесят градусов и стали уходить в открытое море.

Тем временем на боевые посты БДК-077, ровно, как и на боевые посты остальных кораблей эскадры, стали поступать новые вводные, испытывающие выучку, находчивость и смекалку военморов. По разыгранному сценарию, возвращавшиеся в базу корабли, были условно подвергнуты нападению вражеской авиации и, средствам ПВО эскадры пришлось оказать умелое сопротивление воздушному противнику. Защищая живучесть каждого корабля, в трюмах и на боевых постах, усердно сражались моряки различных рангов. Они умело заделывали условные пробоины и тушили условные пожары, прятались от взрывной волны и радиационного излучения во время «условного ядерного взрыва», производили дегазацию и дезактивацию корабельных помещений и одежды моряков. Игра стоила свеч. Так, как учения проводились

максимально приближёнными к реальным событиям, то и действия моряков оценивались без всякого снисхождения. Ведь живучесть корабля обеспечивалась умелыми и слаженными действиями всех членов экипажа, несущих ответственность за боеспособность корабля и за жизнь каждого моряка.

Одна из вводных зацепила и боевой пост, на котором был командиром старшина первой статьи Мельниченко. Находясь возле приборной панели секции ГРЩ №-1, Игорь следил за показаниями контрольно-измерительных приборов. Обращая внимание на рост нагрузки ДГ №-1, он обеспечивал контроль над напряжением ответственных силовых агрегатов корабля. Вдруг по корабельной трансляции прозвучала новая вводная команда: «Пожар в районе дизель генератора номер один! Силами боевого поста локализовать очаг пожара!»

Принимая такую вводную, Мельниченко приказал мотористу ДГ №-1 старшему матросу Васильеву вооружиться порошковым огнетушителем ОП-6 и приступить к тушению очага пожара, а сам стал докладывать на командный пост БЧ-5:

– КП пять, боевому посту два пять! Пожар в районе топливного насоса ДГ №-1, возгорание ветоши в топливном поддоне. Приступили к локализации очага пожара порошковыми огнетушителями ОП-6! Развёрнут шланг пожарного рожка для охлаждения палубы и совмещённых переборок смежных помещений. Для полноценной локализации пожара прошу выслать аварийную группу!

Когда на боевой пост два пять прибыла кормовая аварийная группа под командованием мичмана Иванова, на месте «условного пожара» уже находился один из инспекторов штаба флота в звании капитана второго ранга. Он не делал никаких замечаний, а только молча наблюдал за действиями моряков и делал в своём блокнотике какие-то записи. Как только все противопожарные меры на боевом посту были применены и «условный пожар» был потушен, Мельниченко снова доложил на КП-5:

– КП-5, боевому посту два пять! Пожар на боевом посту два пять потушен! Повреждений, влияющих на боеготовность корабля нет! Продолжаем вести наблюдение за местом пожара!

Дождавшись заключительного доклада командира боевого поста два пять, капитан второго ранга покинул генераторный отсек левого борта и исчез в неизвестном направлении, а Мельниченко по-прежнему стал выполнять свои функциональные обязанности.

После пятидневного сбор похода все корабли соединения вернулись в пункт постоянного базирования на остров Русский. Снова начались для моряков повседневные флотские будни, сопряжённые с береговой службой в военном гарнизоне, выполнением своих прямых обязанностей на корабле и, отдушиной в сплошной служебной круговерти – увольнением в базовый матросский клуб или однодневным отпуском в город Владивосток. Именно в эти осенние дни Мельниченко получил два долгожданных письма. Одно письмо пришло от Ларисы, а второе написала студентка Лена. После отпуска Игорь уже получал весточку от Лены, а вот от Ларисы это было первое письмо. Она упорно молчала и уже больше двух месяцев ничего о себе не сообщала. Письма от Лены вдохновляли на жизнь, от них несло теплом, взаимопониманием и душевностью. Они возбуждали в венах приток тёплой крови и побуждали юный организм к энергичной жизни и светлым мечтам. Равно, как письмо от Ларисы, уже на расстоянии веяло бесполезной прохладой и космической удалённостью. Мельниченко всей душой чувствовал, что связывающая их нить, долгое время находящаяся максимально в натянутом состоянии, начала давать трещину. Теперь его соединяли с Ларисой, только оставшиеся воспоминания, которые сладким нектаром окрыляли ночные фантазии тихоокеанца.

После ужина, когда морякам было отведено пару часов свободного времени, Игорь спустился в кладовку электриков, где находилась хорошо оборудованная шхера. Там он быстро установил сборный столик собственной конструкции, достал спрятанную настольную лампу и подключил её в потайную розетку, спрятанную под самым подволоком среди рёбер двутавро-

вой балки. Включив лампу, он присел на ящик из-под запчастей, достал письмо от Ларисы и с любопытством стал его читать. Внутри был ничего не обещающий тонкий листик бумаги, согнутый пополам. Развернув лист бумаги, Игорь увидел знакомый крупный почерк с ровными размашистыми рядками слов, слегка расплывчатыми от неизвестной причины. Начав читать эти заунывные строчки, он понял, что Лариса осторожно пыталась признаться в том, что было больно осознавать любому юному защитнику Отечества – будь то моряк или пехотинец. Да, она вышла замуж. Не разлюбила своего морячка. Не променяла на другого, более свободного парня, чтобы встречаться с ним на пустынных городских улочках в тёмные вечера. Она просто взяла и вышла замуж. Стала законной чужой женой и, равно, что растворилась для Игоря навсегда: безвозвратно и бесповоротно. Мельниченко сразу осознал всю суть случившегося факта. И, хотя, морально он давно был готов к такому случаю, всё равно глаза произвольно стали наполняться туманящими взор слезами. Не слезами жалости или боли, а слезами горькой обиды за свою беспокойную судьбу. За подполковника Белика, так несвоевременно появившегося на жизненном пути. За самого себя, предавшего однажды свою любовь в порыве проснувшейся жажды желания к нежной невестушке Любаше. И самое главное – было обидно осознавать себя брошенным. Именно брошенным. Брошенным, как ненужную вещь, устаревшую со временем и вышедшую из моды, без объяснений и уважительных причин. Игорь догадывался, что его поджидал такой психологический удар. Он чувствовал, что этот удар не за горами. Но никогда не думал, что он будет таким предательским и коварным. Чтобы хоть как-то развеять нахлынувшую пессимистическую пелену возбуждённого сознания, Игорь вскрыл письмо от Лены и молча стал его читать. Глаза снова засияли жизненной новизной, освобождаясь от слёзной пелены безвозвратного прошлого. Лена подробно описывала исторические события своей учёбы и повседневной жизни, надеясь на скорую встречу со своим избранником. Она открыто намекала о приближении Нового года и предлагала веские аргументы относительно встречи приближавшегося праздника. Не откладывая ответ в долгий ящик, Мельниченко тут же сочинил душещипательный ответ, стараясь удовлетворить все запросы Елены Прекрасной в порыве искренней нежности к ней. Однако это мероприятие не отняло у Игоря много времени и до вечерней приборки ещё оставалось целых полтора часа, а голову тихоокеанца снова стали посещать далёкие от оптимизма мысли. Но, как бы там ни было, Мельниченко успел смириться со своей вспыльчивостью и, чтобы навсегда похоронить свои чувства к бывшей студентке одесского финансового техникума, решил кое-что исправить в самом себе. И первым этапом этого исправления явилась очередная флотская шалость. Пользуясь наличием свободного времени, Игорь достал из законспирированного схрона, находящегося в одном из ящиков электрического ЗИПа, чёрную спиртовую тушь, применяемую для нанесения татуировок отчаянным «годочкам». Быстро настроил неказистый приборчик, изготовленный по последнему слову техники их заводной механической бритвы, служивший основным орудием труда для таких художеств. Не откладывая задуманное в долгий ящик, он приготовил аппарат к использованию и занялся таинством неординарного творчества. И, буквально минут через сорок, на груди военмора, вместо привычной уже каждому сослуживцу татуировки «I love you Lora», образовалась экспромтная новинка. Теперь место пары английских слов занял, идущий по свинцовым волнам БДК, над которым гордо развевался военно-морской серпасто-молоткастый флаг с аббревиатурой «КТОФ» (Краснознамённый Тихоокеанский флот) вертикально набитой поперёк кромки флага. Именно так сумел пересилить свою боль и горечь от утраты своей несостоявшейся любви лихой морячок. Именно таким образом он попытался вычеркнуть из своей жизни, знакомую многим морякам потерю. Потерю несбывшейся надежды, потерю пламенной курсантской любви, потерю смазливой белокурой украинки с нехитрым именем Лариса.

Уже перед началом малой приборки, когда до команды «Палубу проветрить и прибрать!» оставалось ещё несколько минут, Игорь сидел в курилке и, подыгрывая на шестиструнной

гитаре, тихо запел. Песня была заунывная и наводила на перекуривавших там моряков неизгладимую печаль. Ибо каждый третий военмор уже успел пройти этот печальный эпизод в своей жизни. Каждый моряк затаил в своих извилинах только ему понятные мысли, а голос Игоря наполнял их воспоминания теми несбывшимися надеждами былого счастья, распыляя нехитрые куплеты по всей курилке и близлежащим помещениям:

*... Я написал вчера девчонке, что люблю,
Что не могу прожить без неё дня.
Писал я про любовь, под плеск волны –
Быть может от того она ушла.*

Когда пришёл черёд припева, в курилке к тому времени собрался приличный хор и несколько голосов, тут же подхватили такой зовущий и стонущий припев:

*И пусть гитара от обиды плачет,
И пусть за окнами кружится белый снег,
Как жаль, что для тебя уж ничего не значит:
Моя любовь, моей души секрет.*

Мельниченко продолжал играть и петь, а в его глазах туманно таял улыбающийся образ, растворяющийся среди сизого сигаретного дыма, образ канувшей в небытие блондинки. А Игорь продолжал петь, и песня звучала всё напористей и жалобней:

*Пришёл ответ, и помутнело море,
И волны в бешенстве хлестали по бортам.
Где ты теперь, кто мне поможет горю –
Лишь чаек крик уносит океан.*

Припев снова зазвучал в несколько голосов, а Мельниченко продолжал наяривать на гитаре, перебирая аккорды и пробуждая в ней невинный и ущемлённый плач, предшествующий последнему куплету песни и, словно, тигриный рёв вырвался из глотки опечаленного первоостатейника:

*Пускай с тоской я провожаю день,
Твои глаза, с улыбкой вспоминая,
Я не желаю зла тебе, поверь –
Желаю счастья океан, родная!*

Началась приборка и песня растаяла в ушах военморов, как курсантская любовь первоостатейника Мельниченко. Занимаясь приборкой боевого поста, Игорь навевал в свою голову новые мысли и эти мысли были о предстоящей встрече с Леной, к которой на космических скоростях летела его необузданная фантазия. Он уже заканчивал приборку, когда из динамика донёсся голос дежурного по кораблю: «Команде приготовиться к построению по сигналу «Малый сбор» на вечернюю проверку! Форма одежды номер четыре, место построения – шкафут, правый борт!»

С началом вечерней проверки, снова началась служба и ушли в небытие всевозможные лирические отступления. Служебная деятельность завертелась с новым энтузиазмом и закружила «обарзевшего караса», словно быстрая юла, не давая ни малейшего повода на всевозможные размышления, типа: о любви и о жизни. Однако уже в ноябре для Мельниченка произошло ещё одно событие и, по тем временам, совсем не малой важности. Его пригласил к себе в каюту замполит корабля и долго беседовал на тему дальнейшей службы и самой жизни в стране Советов. Итогом беседы стало предложение о вступлении Игоря в ряды членов КПСС. Мельниченко попытался сначала отказаться, мотивируя своим молодым возрастом, но это не убедило политработника и в конце ноября, на заседании бюро комитета КПСС бригады, старшину первой статьи Мельниченка приняли кандидатом в ряды членов КПСС. Получив рекомендации от двух коммунистов: командира БЧ-5 и замполита корабля, а так же от комсомольской органи-

зацией корабля – Игорь твёрдо встал на позицию строителя светлого коммунистического будущего. Учитывая сложившуюся ситуацию, в декабре комсомольская организация БЧ-5 избирает Мельниченка своим комсомольским вожаком – секретарём комсомольской организации электромеханической боевой части. Теперь для него началась новая жизнь, и эта жизнь обременяла Игоря новыми обязанностями «комсомольского работника с портфелем», но не освобождала от своих прямых служебных обязанностей. Дорога в сторону деятельности комсомольского функционера для него осветилась ясным солнечным лучом. Ещё будучи «карасём», Игорь имел неоспоримый авторитет среди личного состава и среди командования кораблей, где он проходил службу. Теперь его авторитет резко вырос. С Игорем стали здороваться за руку не только офицеры корабля, но и офицеры-политработники бригады и, даже, самой дивизии. Он неоднократно стал получать предложения от старшего офицера по кадрам о поступлении в военно-морские вузы страны, а от инструктора по учёту личного состава мичманов – о вербовке на мичманскую службу по контракту. Отслужив больше года и, имея среднее техническое образование, Игорь имел полное право влиться в мичманские ряды ВМФ ещё до окончания полного срока службы. Однако такие перспективы не прельщали новоиспечённого кандидата в члены КПСС и, Мельниченко не поддавался ни на какие уговоры. Он был настроен тянуть доставшуюся ему флотскую ляжку до самого конца службы, определённой Министром Обороны СССР Дмитрием Фёдоровичем Устиновым – как концом полного срока флотской службы.

Вторая декада декабря подарила тихоокеанцам скрипучие морозы с лёгкой пеленой серебристо-белого снега и продувающие до мозга костей ветра. Лёд, тонкой зеркальной плёнкой, покрыл тихую гладь бухты Новик и, чтобы не упустить время, командование постановило в срочном порядке перебазировать десантные корабли в бухту Патрокл. Таким образом, БДК своевременно успели перебазироваться на зимовку без оказания помощи портофлотских ледоколов. Уже, спустя сутки, без их помощи из бухты Новик не смог бы выбраться ни один корабль.

Перебазировавшись в бухту Патрокл, моряки снова стали тешить себя надеждами на увольнение в город Владивосток. Используя своё первое увольнение в зимний город, Синенко и Мельниченко, сразу умчались в общежитие своих новых знакомых подружек. Им давно уже не терпелось с ними встретиться, и эта встреча полностью оправдала надежды военморков. Девочки встретили морячков, словно хорошие давние подружки. Это увольнение парни провели в самом общежитии, наслаждаясь теплом, душевными разговорами и приятным чаепитием. Слушая приятную музыку, они обсудили планы на предстоящие увольнения. Теперь ребятам открывалась перспектива ходить в увольнение каждую субботу и воскресенье, а так, как они оба являлись старшинами, то была возможность увольняться и в среду – главное, чтобы дни

увольнений не совпадали с графиками дежурств. Свои встречи они теперь могли обсуждать и по телефону, имея возможность через флотский коммутатор выйти на городскую АТС. Были вечера, когда девчонки сами навещали своих морячков, так как доступ к кораблям был полностью открыт. Никаких пропускных пунктов на «зимнике» не было. Вместо них на берегу дежурил патрульный наряд, состоящий из мичмана и двух моряков срочной службы. Девчонки спокойно могли с ними договариваться, и патрульные, через вахтенного у трапа, вызывали морячков на берег. Таким образом, ребята могли лицезреть своих подружек и провести с ними каких-то минут сорок, найдя укромное местечко на берегу. Были у ребят и завистники. Однако тут уже ничего не поделаешь. Всё зависело только от самого моряка, умеющего правильно общаться с субъектами противоположного пола, чтобы привлечь их внимание к своей собственной персоне на столько, насколько это получалось у наших юных героев.

Во второй декаде декабря во Владивосток пришла настоящая зима со скрипучими морозами и снежными метелями. Благодаря зимовке во Владивостоке, Мельниченко успел несколько раз побывать в увольнении. Обычно он со своим дружкой заезжали в общежитие за подружками, а затем уже вместе решали, где провести совместный досуг. Бывали вечера, когда они посещали базовый матросский клуб, находящийся в центральной части города на берегу залива Золотой Рог. Иногда просматривали какой-нибудь интересный фильм, посещая городские кинотеатры. Одно из последних увольнений ребята провели вместе со своими зазнобами в общежитии, не желая мёрзнуть на зимнем воздухе. Располагая временем, девчонки накормили своих ухажёров жареной картошкой на сале и домашними беляшами, фарш на которые приготовил Игорь, а жарила их Лена. Тогда же было принято решение организовать встречу Нового года в общежитии девчонок, так как лучшего варианта не предвиделось.

Чтобы не пролететь с намечавшимся сабантуем, Мельниченко заранее побеспокоился за себя и попытался выпросить у командира боевой части и замполита корабля сквозное увольнение на Новогодний праздник. Он был готов получить это увольнение на любых условиях своих командиров, знающих, как можно использовать моряка, имеющего свои личные интересы. Понимая своих подчинённых, командиры использовали их труд в своих личных целях, умело шантажируя морячков предстоящим поощрением, типа увольнения или отпуском. Таким образом, заинтересованный моряк был для командиров отличной находкой. С такого моряка можно было верёвки вить, и он ночью будет недосыпать, но условия командиров непременно выполнят. В таком же положении теперь оказался и Мельниченко. Получив задание от «бычка», он в своё личное время и по ночам, стал подготавливать ему все необходимые журналы с планами боевой и политической подготовки на новое полугодие. Заодно помог мичману Богомолу произвести полную инвентаризацию ЗИПа электротехнического снабжения, чтобы к Новому году подчистить все «хвосты» и не иметь на своём счету никаких долгов перед непосредственным начальником. Замполит тоже использовал Игоря в своих целях, и чтобы добиться его ходатайства перед командиром корабля, касательно будущего сквозного увольнения, новоиспечённому комсору БЧ-5 пришлось аннулировать все пробелы в протоколах комсомольских собраний, что допустил его предшественник. И Мельниченко снова и снова трудился ночами над этим бумагомарательством, сочиняя правдоподобные сценарии комсомольских собраний, приуроченных к тому или иному политическому событию нерушимого союза «республик свободных». Жертвуя своим личным временем и нормальным сном, Игорь всё-таки добился снисходительности своих командиров и, уже, в последние дни декабря, был уверен на сто процентов, что их карта будет бита, а все козыри находятся в его руках.

Синенко также получил от старпома аккордную работу и занялся отчётами, касающимися штатно-должностной книги корабля, а кроме этого, полностью подготовил ему всю документацию по боевой подготовке на предстоящее полугодие. Таким образом, старания друзей были замечены начальством и, соответственно, поощрены и 31 декабря, они получили сквозное увольнение с 18.00 до 23.00 следующих суток, а именно, до конца первого дня Нового

1982 года. Это было их первым сквозным увольнением, и ребята настраивали себя на полную программу, чтобы отвязаться на полную катушку и зарядиться жизненно важной энергией, хотя бы, на следующие полгода.

Поставив в известность своих командиров о месте празднования Нового года, Синенко и Мельниченко получили отпускные листы, предъявили свой внешний вид дежурному по кораблю и уже к восьми часам вечера прибыли в район трамвайной остановки «Спортивная». В ближайшем гастрономе, они использовали доброжелательность одинокой миловидной женщины, и она купила тихоокеанцам за их деньги бутылочку сорокаградусной водочки фирменной торговой марки «Столичная». Шампанского и хороших подарочных шоколадных конфет в гастрономе не было, и ребятам пришлось посетить ресторан «Зеркальный». Пользуясь благоприятным расположением к ним швейцара-кавказца, ребята приобрели с его помощью две бутылки полусладкого «Советского шампанского» и коробку шоколадных конфет «Трюфеля». Забункеровавшись, таким образом, по самую ватерлинию, моряки аккуратно спрятали всю отоварку в крепкий чёрный кейс, одолженный на этот случай у мичмана Иванова и направились на остановку «Луговую». Чтобы не светиться перед глазами патрулей, усиленных в предпраздничный день дополнительными нарядами, морячки решили воспользоваться услугами такси и быстро прибыли в общежитие к своим подружкам. Уже к десяти часам вечера они находились у парадного подъезда общежития индустриального педагогического техникума.

Вокруг общежития уже чувствовалась праздничная атмосфера. На несколько метров от здания тянулся шлейф вкусных ароматов от кулинарного искусства будущих педагогов. Из ярко освещённых окон доносились ободряющие децибелы громкой увеселяющей музыки, проникающей сквозь залепленные клейкой лентой стёкла. Над самым парадным входом затянула свою новую песню Алла Пугачёва, напоминая кому-то о миллионе алых роз под окном. Где-то по соседству из открытой форточки радовала студентов песней «Happy New Year» группа «АББА», вторя в унисон «алым розам» своими задушевыми куплетами. Откуда-то с верхних этажей доносился хриловатый голос Владимира Семёновича Высоцкого, оповещавший на всю округу, о кораблях, которые после отстоя ложатся на курс, а потом возвращаются сквозь непогоду. Все эти звуки и ритмы, на каком-то непонятном этапе своего звучания, сливались в одну сплошную и никому не понятную мелодию – мелодию праздничного настроения, мелодию приближавшегося Нового 1982 года. Приближением праздника, предвкушавшего приятное время проведения для моряков десантников.

На «проходной» общежития внутри парадного холла, моряки отдали свои военные билеты пожилой вахтёрше бабе Вале, и Толик вручил ей плитку чёрного шоколада «Алёнка» для закрепления дружественных отношений. Баба Валя исправно записала фамилии ребят в журнале учёта посетителей и спрятала военные билеты в ящикек казённого, выдавшего виды, рабочего стола. Пропустив тихоокеанцев на лестничный пролёт, она принялась за новых гостей, курсантов «ДВИМУ», а Толик с Игорем стали подниматься на заветный третий этаж. Там они быстро нашли комнату под номером «305», где проживала Ира и, где намечалась праздничная «ёлка». Однако, внезапно появившаяся Лена, перехватила ребят и увела в свою комнату под номером «310». На ходу они стали обмениваться праздничными поздравлениями прямо в коридоре.

– Ребята, проходите в комнату и раздевайтесь здесь, – сказала Лена, открыв входную дверь и пропуская внутрь комнаты своих гостей. – Вешалка с обратной стороны двери.

Пока Толик раздевался и развешивал свою драп дерюжную чёрную шинель, Игорь приблизился к Лене и легонько поцеловал её в щёчку. Затем достал из кармана заранее приобретённый в местном военторге подарок и вручил его своей подружке.

– Леночка, это тебе мой Новогодний подарочек, – тихо прошептал он ей на ушко, продолжая заигрывать. – Будешь душить и меня вспоминать.

– Ой! Спасибо, Игорёша! – вскрикнула от восторга Лена, разглядывая коробочку рижских духов «Браво», затем, немножко заволновавшись, прошептала: – А я ничего тебе не приготовила, как-то все эти дни так быстро пролетели. Извини, Игорёк. – Она немножко подумала, обняла Игоря за шею, прижалась к нему созревшими женскими прелестями и зашептала прямо в покрасневшее после мороза ухо: – Я постараюсь возместить эту незначительную оплошность, ага?

Мельниченко понял этот намёк по-своему, и по его телу пробежала предательская дрожка, толи от этого желанного прикосновения женских прелестей, толи от обещающего бурного разряда предстоящей ночи.

– Ребятки, вы посидите, пока, здесь. Отдохните с дороги, журналчики полистайте, а я побегу Ирке помогу, хорошо? Нам ещё переодеться надо, – сказала, словно пропела Лена, поправляя вокруг тонкой талии, края спортивной кофточки.

Игорь поймал в объективы своего пристального взгляда её славно сложенную фигуру, одетую в прилегающий спортивный костюм сиреневого цвета и, оценив её достоинства, начал раздеваться. Увидев этот пристальный взгляд, Лена постаралась быстро ретироваться и ребята в комнате остались одни.

– Ну, Одесса, ты даёшь, – возмутился Толик. – Ты чё, духи ей подарил?

– А шо, такое? – удивился Игорь.

– Да, как-то неловко вышло. Я-то своей ничего не купил. Ты бы, хоть намекнул заранее или как? Чё теперь делать? – заволновался Синенко.

– Да ничего не делать. Ждать встречи Нового года, вот и всё. – Успокоил товарища Мельниченко. – Подарки, мой юный друг, это – личное дело каждого индивидуума. Делать их или не делать, здесь советы не канают, он от этой мелочи, часто зависят некоторые приятные моменты в отношении мужчины и женщины. Иногда, этот самый незначительный и скромный презентик, может послужить заветным ключиком для открытия потайного замка к недоступному женскому сердцу. Вот так-то, мой юный друг, – закончил свою философскую речь Игорь, а Толик смотрел на него в упор, удивляясь такой сложной речи своего товарища.

Отвлёкшись от насущной темы, друзья стали просматривать журналы «Работница» и «Крокодил», лежавшие на письменном столе. Занимаясь чтением и размышляя о жизни, они пропустили момент, когда в комнату зашла Ира. Она была одета в тёплый махровый халат розового цвета под стянутый на талии пояс.

– Ой, ребята, с наступающим праздником вас! – крикнула она, забежав в комнату, словно за ней кто-то гнался.

Ира подошла к Толику, чмокнула его в губы, затем развернулась к Игорю и, поцеловав его в щёчку, присела на край коечки, аккуратно запроваженной плюшевым покрывалом бордового цвета.

– Слава Богу, вроде бы всё успели, – доложила гостям Ира. – Кстати, который час?

– Без двадцати десять, – серьёзно ответил Толик, взглянув на свою «Электронику».

– Знаете что, ребята? Давайте я вас проведу в триста десятую, там Лена уже заканчивает сервировку стола. Вы там немножко без нас поскучаете, а мы быстренько поменяем свои наряды, хорошо? – предложила Ира и, поднявшись с койки, взяла Толика под руку.

Триста десятая комната встретила моряков стойким ароматом от души приготовленных блюд. На двух кухонных столах, разместившихся по центру комнаты, благоухали аппетитным разнообразием дежурные и неординарные закуски. Там было несколько разновидностей салатов, мясное заливное, маринованная лососина, кольца кальмаров жаренные в кляре, нарезка из колбасы, бутерброды со шпротами и, конечно же, разносолы: маринованные огурцы, грибочки и корейская чимча. Стволами вверх, словно на строевом смотре, стояли три бутылки шампанского, две бутылки водки «Русской» и по бутылке вина «Кагор» и «Алиготе». Парадный строй был не укомплектован и Толик сбегал за дипломатом, забытым в комнате под номе-

ром «305». После этого незначительного попустительства, в парадном строю добавилось ещё три ствола: бутылка беленькой «Столичной» и две бутылки с полусладким «Советским шампанским». Конфеты Лена сразу спрятала, объяснив этот трюк быстрой скороговоркой:

– В Новогодний наш фуршет, будет сладенький десерт.

– Да ты, Лен, прям поэтесса, – прикололась Ира и, направив на ребят гостеприимный взгляд, добавила: – Размещайтесь ребятки, где вам нравится, а мы убегаем переодеваться. Если появятся гости, вы не удивляйтесь – нас тут целая компания соберётся.

– Ничего, Ириша, не волнуйся: в тесноте – не в обиде. Здесь и так наготовлено на целый боевой корабль. – Поддержал хозяйку комнаты Игорь, и они с Толиком стали присаживаться на приглянувшиеся места.

Пока девчонки отсутствовали, в комнату набилась целая компания весёлой молодёжи: три парня и пять девушек. Все они, в основном, были студентами техникума, за исключением рыжеволосой пышки с конопатым личиком и розовыми щёчками, которая училась на первом курсе «Дальрыбвтуза», а сюда пришла вместе со своей сестрой, проживающей в 310-й комнате вместе с Ирой. Гости заранее были предупреждены о морячках и поэтому они не ощутили никакого дискомфорта. Все они сразу перезнакомились с тихоокеанцами, и, когда Лена с Ирой в праздничных нарядах появились в комнате, там царило полное взаимопонимание. Парни вели между собой мужской диалог, а девчонки обсуждали в сторонке профессиональность своего кулинарного мастерства. Лена с Ирой явились, словно две сказочные феи в красивых вечерних платьях с глубоким декольте, явно не зимнего покроя. Лена была в платье цвета чистого осеннего неба, переливающегося яркими бликами серебристо-зеркального люрекса. «Ей бы ещё корону и была бы вылитой принцессой из сказки Андерсена», – подумал Игорь, а в голос добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.